

3) характер политической лояльности летописцев по отношению к литовской феодальной верхушке не привел к превращению белорусского летописания в средство обоснования иноземного господства;

4) генетические связи летописных сводов с «Повестью временных лет» позволяют говорить о единстве летописной традиции, в том числе в аспекте византийского влияния;

5) вектор идейной эволюции белорусских летописей демонстрирует постепенное усиление интереса летописцев к событиям польской истории, что характеризует эволюцию ВКЛ и его социальной верхушки в сторону все большей полонизации и постепенного ослабления влияния общерусской летописной традиции.

Список использованных источников

1. Бодянский, О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке / О. М. Бодянский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. – 1846. – № 1. – С. 7–11.

2. Бэднярчук, Л. Аб этнагенэзе беларусаў / Л. Бэднярчук // Наша слова. – 2001. – 5 снеж. – № 48 (536) ; 12 снеж. – № 49 (537) ; 19 снеж. – № 50 (538).

3. Данилович, И. Н. О литовских летописях / И. Н. Данилович // Журнал министерства народного просвещения. – 1840. – Вып. 28. – С. 70–114.

4. Костомаров, Н. И. Лекции по русской истории / Н. И. Костомаров. – СПб., 1861. – Ч. 1. – 112 с.

5. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. – 492 с.

6. Тихомиров, И. А. О составе западнорусских, так называемых «литовских» летописей / И. А. Тихомиров // Журнал министерства народного просвещения. – 1901. – № 3. – С. 1–36.

7. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 262 с.

8. Чамярыцкі, В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры / В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.

9. Шахматов, А. А. Записка о Западнорусских летописях / А. А. Шахматов // Летопись занятий Археографической комиссии. – СПб., 1901. – Вып. 13. – С. 33–49.

10. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М. : «Кучково поле», «Академический проект», 2001. – 375 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭПИДЕМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ГОМЕЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

**И. Ю. Уваров
ГГТУ им. П. О. Сухого (Гомель)**

В первые десятилетия XX в. Гомель представлял собой город, в котором проживало 110 тыс. человек. Первая мировая война, революция 1917 г., гражданская война положили начало новому, драматическому, периоду в истории Гомеля. Социально-экономические и материально-

бытовые условия населения резко ухудшились. Судить об этом можно, например, по тем документам, которые отражают санитарно-эпидемическую ситуацию в Гомеле в первой половине 1919 г.

Среди документов, характеризующих работу санитарно-эпидемического бюро, наше внимание привлек бланк индивидуальной регистрационной медицинской карты для регистрации детей дошкольного и школьного возраста с указанием «Гомельский Уездно-Городской отдел Народного Здравоохранения». Это типографский бланк, на котором были отмечены следующие данные: число, месяц, год, номер карты, школа, ступень школы, отделение, мальчик или девочка, фамилия, имя, отчество, национальность, возраст, профессия родителей: отца и матери. Отдельной графой отмечались успехи ребенка: хорошие, посредственные, слабые. Общее состояние здоровья и питания: хорошее, удовлетворительное, ослабленное. В следующей графе была указана наследственность, те болезни, которыми болели или от которых умерли их родители, например, туберкулез, сифилис, алкоголизм [1, л. 35]. На вопрос: был ли у ребенка рахит? стояли два варианта ответа: был; не был. Отмечалось вскармливание детей грудью или искусственно, цвет волос: светлый, рыжий, темный, черный. Особое внимание было уделено полости рта, определялся цвет зубов: белый, желтый, синий; небо – плоское, среднее, высокое; десны нормальные, кровоточили, воспалены, изъязвлены, свищи: десневой, щечный, подбородочный. В документе ничего не сказано, чем могли болеть эти дети. Остается только предполагать, какие страдания выпали на долю маленьких гомельчан в тяжелое послереволюционное время. Распространившаяся эпидемия уносила тысячи человеческих жизней. В числе заболевших оказались и врачи, и остальной медперсонал. Из документа за период с 15 января по 15 мая 1919 г. видно, кто из гомельских врачей болел, а кто находился в отпуске вследствие перенесенной болезни. А. К. Рахиль болела с 9 февраля по 27 апреля, после выздоровления получила отпуск на шесть недель. Санитарный врач Р. А. Ратнер-Гуревич болела с 26 апреля по 4 июня, фельдшер Т. Л. Шестоков – с 16 марта по 3 мая, санитар М. Балтрик болел с 19 марта по 10 апреля 1919 г. Всего за указанный период переболело (не сказано чем) 15 человек медперсонала, среди которых был отмечен студент-медик С. Л. Рогачевский.

Для борьбы с инфекциями разрабатывались специальные инструкции, содержание которых гласило следующее: «1. По прибытии в неблагоприятные по заразным болезням «селения» необходимо установить число пораженных домов и число больных. 2. Принимать все меры по недопущению распространения болезни. 3. Давать указания личной профилактики, вести санитарно-просветительную работу в очагах. 4. В каждом селении установить время появления первых случаев заболевания, откуда болезнь была занесена, число умерших от 161 данной формы заразы, время окончания эпидемии».

К этому периоду в городском эпидемическом бюро насчитывалось следующее количество специалистов: заведующий – один, помощники санитаров – пять человек, дезинфекторов – пять, санитаров – десять человек, один – кочегар, счетчик-статист, он же фельдшер – один, делопроизводитель – один, сторож и по совместительству курьер – один. Кроме этого, в распоряжении санитарно-эпидемического бюро были лошади, которым требовалась регулярная ковка, а также починка збруи и экипажей, дезинфекционные аппараты, которым нужен ремонт, и камера [1, л. 18].

Все врачи получали заработную плату, согласно ставкам Всемедикасантруда, с прибавкой 50 %, как персонал, работающий насыпном тифе – 3000 руб. в месяц. Как указано в документе, эта ставка – самая высокая в Советской России [1, л. 21]. Для перевозки больных в распоряжении санитарно-эпидемического бюро было четыре кучера. В помещении бюро – пять печей и одна кухня. Для отопления паровой рубнеровской камеры (как в документе) в месяц уходили одна, две сажени дров. Для освещения в ночное время использовались три лампы, одна – в канцелярии, другая – в кабинете врача, одна – в комнате кучеров, один фонарь – для осмотра лошадей в конюшне. Среди текущих расходов отмечены также расходы на покупку канцелярских принадлежностей, бумаги, чернил и карандашей.

С увеличением числа зараженных потребовалось до восьми лошадей для перевозки паровой дезинфекционной камеры. На дезинфицирующие средства требовалось не менее 10 000 руб. в месяц. Из-за интенсивного использования кареток, телег, саней, которые имелись в санбюро, все они находились в очень ветхом состоянии и требовали ремонта [1, л. 21 об.]. Паровая рубнеровская камера изнашивалась; гидropульты и фармалиновые аппараты также изнашивались и требовали частичной починки. Крыша конюшни во многих местах протекает и требует мелкого ремонта на сумму 6000 руб. К наступлению зимы надо приобрести двое крытых саней. О распадке эпидемии в Гомеле свидетельствует описание одним из врачей барачников для беженцев, которые были расположены на конной площади. Увиденное им было представлено в виде обращения за помощью к председателю коллегии Пленбежа. Эта организация располагалась в Гомельской гостинице «Метрополь» по адресу: ул. Замковая, д. 107. Документ сообщает информацию о крайней нужде и антисанитарии беженцев, которые прибыли в Гомель из Бреста.

Лишенные всякой опеки, голодные, босые и почти голые люди влачат жизнь среди неподдающейся описанию грязи, прокопченные дымом самодельных печей, покрытые своею же собственной грязью и поедаемые насекомыми. Среди здоровых повсюду лежат больные и те, которые недавно выписались из больниц, главным образом из тифозной больницы в Белице. В этом же сыпном бараке среди беженцев довольно много живет бездомных местных жителей». С целью исправления ситуации 28 января 1919 г. заведующий санитарно-эпидемическим подотделом обратился

в коллегію Пленбежа с предложением само помещение барака привести в порядок и сделать его похожим на жилое помещение. Вставить окна, отремонтировать печи, установить нары, оборудовать отхожие места и помойную яму. Оказать нуждающимся материальную поддержку деньгами, продовольствием и бельем. Учредить административный и врачебный надзор. Избрать или нанять распорядительного человека из жильцов барака для наблюдения за внутренним порядком и здоровьем живущих в нем людей. И в конечном итоге посетить баню, прачечную и парикмахерскую [2, л. 2 об.]. В конце января 1919 г. врачи санитарно-эпидемического подотдела обследовали «японские бараки» в Гомеле, где содержались военнопленные разных национальностей. Составленное заключение было направлено Уполномоченному местного отделения Красного креста. «Лечебница при бараках не соответствует своему назначению, у обитателей этих помещений нет запаса белья, больничной одежды, нет приборов и средств для дезинфекции и дезинсекции. В таких условиях возникает опасность заражения сыпным тифом большого количества людей». Представители комиссии рекомендовали перевести лечебницу в более соответствующее ее назначению помещение бывшего сборного пункта Гомельского уездно-военного начальства [2, л. 5 об.].

Таким образом, Гомель в указанный период являет собой пример той ситуации, которая в целом характеризует ситуацию в стране в условиях разгоревшейся гражданской войны. Осознание этого исторического урока является необходимым условием воспитания подрастающего поколения в понимании ценности гражданского мира [3, с. 192].

Список использованных источников

1. Смета на содержание санитарно-эпидемических учреждений на 1919 г. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 306. Оп. 1. Д. 3.
2. Переписка об организации санитарного обслуживания «беженцев». 1 января 1919 г. – 26 декабря 1919 г. // ГАГО. – Ф. 306. Оп. 1. Д. 11.
3. Уваров, И. Ю. Гомель в исторической ретроспективе (1918–1925 годы) / И. Ю. Уваров. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. – 201 с.

ДАВІД БАРЫСАВІЧ МЕЛЬЦЭР І БАЛГАРЫСТЫЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў БЕЛАРУСІ

**А. У. Ціхаміраў
УК ГДМГР (Гродна)**

Развіццё даследаванняў мінулага іншых краін у беларускай гістарычнай навуцы мае ўжо сваю традыцыю. Беларуская савецкая гістарыяграфія – гэта не толькі значная з’ява ў айчыннай навуковай думцы, але і цікавы культурны феномен, які патрабуе больш глыбокага і асэнсаванага